

ПУЛЬС

ОДИН СИГНАЛ. ТЫСЯЧА ВОПРОСОВ.

Игорь Бодунов

Пульс

<https://litres.ru/74672907>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мидлтаун — небольшой город в Небраске, где жизнь десятилетиями держалась на привычках, старых семейных историях и уверенности, что всё важное давно известно. Но однажды в привычном шуме эфира появляется сигнал на частоте 1610 кГц. Он звучит в одно и то же время, возвращает забытые голоса и связывает людей, которые никогда не должны были встретиться.

В центре истории — исчезновение Дейла Хэйла и расследование, которое постепенно раскрывает странную связь между радиоволнами, памятью и самим временем. Чем ближе жители подходят к разгадке, тем яснее становится: сигнал не просто передаёт чужие слова. Он ждёт ответа. А молчание может оказаться не менее опасным, чем попытка заговорить.

Пульс это мистический триллер о маленьком городе, коллективной памяти и ответственности за услышанное. Это история о страхе перед неизвестным, о людях, которые учатся доверять друг другу, и о тонкой границе между эхом прошлого и голосом, который ещё только ищет, кому принадлежать.

Содержание

О книге	4
Пролог	5
Глава первая. Обычное утро	21
Глава вторая. Дневник деда	36
Глава третья. Дом, в котором дышали стены	51
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Игорь Бодунов

Пульс

О книге

Мидлтаун — небольшой город в Небраске, где жизнь десятилетиями держалась на привычках, старых семейных историях и уверенности, что всё важное давно известно. Но однажды в привычном шуме эфира появляется сигнал на частоте 1610 кГц. Он звучит в одно и то же время, возвращает забытые голоса и связывает людей, которые никогда не должны были встретиться.

В центре истории — исчезновение Дейла Хэйла и расследование, которое постепенно раскрывает странную связь между радиоволнами, памятью и самим временем. Чем ближе жители подходят к разгадке, тем яснее становится: сигнал не просто передаёт чужие слова. Он ждёт ответа. А молчание может оказаться не менее опасным, чем попытка заговорить.

«Пульс» — мистический триллер о маленьком городе, коллективной памяти и ответственности за услышанное. Это история о страхе перед неизвестным, о людях, которые учатся доверять друг другу, и о тонкой границе между эхом прошлого и голосом, который ещё только ищет, кому принадлежать.

Пролог

Небраска, октябрь 1994 года

Ночь на вышке номер семь начинается с кофе, который Дейл Хэйл больше не пьёт, но всё ещё варит. Это часть ритуала: банка «Максвелл-хаус», шипящая плитка старой горелки, кружка, которая стоит нетронутой всю смену и к трём часам утра превращается в чёрный холодный круг. Кофе существует, чтобы смену можно было тронуть рукой — взять кружку, поставить обратно, сказать себе, что всё это по-прежнему настоящее.

Дейлу тридцать восемь лет. У него узкие плечи и руки человека, который целую жизнь таскал что-то тяжёлое и недолго разговаривал. В штате он значится техником технического обслуживания; в жизни он человек, который ночами слушает эфир и знает о частотах то, чего не написано ни в одном учебнике. Он знает, что несущая бывает разной. Ровная — это просто генератор. Но иногда в ровном тоне появляются биения: слабые, медленные пульсации, будто кто-то дышит под шумом. Леннон из ночной смены в Кимбалле называет это «трамвайным гулом» и считает перегревом контура. Дейл не спорит. Он просто записывает время, длительность и глубину биений в свой журнал — карандашом, аккуратным косым почерком, — и уже сорок две страницы исписал от руки.

Рация щёлкает в 2:12. Леннон, сквозь треск: «Седьмая, как слышно?» — «Пять пять, слушаю». — «У нас тут кипиток, поэтому говорю быстро: у Пола Гилберта жена с простудой, он взял твой вторник. У него сыну семь, я посчитал, ты не обидишься». — «Не обижу». — «И всё. Хороший ты человек, Хэйл. Мёртвый эфир, спи давай».

Дейл улыбается. «Хороший ты человек» — это Леннон значит «пока». Они работают вместе шесть лет и ни разу не выпили вместе, потому что у Леннона семья, а у Дейла — эфир. Дейл записывает в журнале: «Вторник — Гилберт. Мужик с бессонницей на 1610 всё ещё там».

Мужик с бессонницей — это отдельная история. Два года назад на частоте 1610 — мёртвый канал, гражданским запрещён, используется для навигационных маяков, — Дейл впервые услышал голос. Не мусор, не отражение, не гетеродин соседнего передатчика. Голос. Человек говорил в эфир по ночам, каждый раз в разное время, и говорил всегда одно и то же — как будто читал со стога: «Здесь есть кто-нибудь». Дейл отвечал по ночам, по рации, на себя, без позывного: «Здесь. Слышу». И голос однажды замолчал — на полгода. Потом вернулся. С тех пор они разговаривают так: голос зовёт, Дейл отвечает.

Мелани в этот вечер оставила записку под магнитом на холодильнике: «Забудь про кошку. Ничего страшного. Позвони, когда отработаешь, я не сплю, пока не услышу твой голос». Дейл хранит записку в нагрудном кармане рубашки

— уже девятый год. Мелани ждёт звонка после смены. Мелани всегда ждёт звонка после смены.

В 2:41 Дейл замечает это впервые. Не глазами и не ушами — спиной. Так замечают, что за окном кто-то стоит. Эфир пуст. На всех частотах — штатная тишина, ветер, шум атмосферы, всё как всегда. Но 1610 — мёртвый канал — вдруг оживает. Несущая. Ровная, чистая, без биений, на полной мощности, будто кто-то включил передатчик прямо здесь, внутри вышки.

Дейл открывает журнал. Карандаш. «2:41. 1610. Несущая без биений. Не могу найти источник». Он поднимает глаза к окну.

Там — ничего. Пустая равнина, снег, лунный свет. Но от оконного стекла идёт тепло — там, где его быть не может, в октябре, в Небраске, в два часа ночи.

Дейл записывает ещё: «Тепло. Стекло тёплое снаружи». Он смотрит на свою руку, держащую карандаш, и рука не дрожит. Дейл — не из тех, кто дрожит.

Рация шипит. Леннон, голос странный, растерянный, сквозь треск: «Седьмая, ты что, пугаешь? Что за несущая на 1610? Сними, а то диспетчер...» Дейл нажимает тангенту: «Не я. Не моя».

И тогда — впервые за два года — голос возвращается.

Не через рацию. Не через приёмник. Он звучит в самой вышке, как будто говорит человек, стоящий вплотную к микрофону — или не человек. Голос низкий, тёплый, спокой-

ный, без злобы и без угрозы. Он произносит: «Дейл».

Дейл знает, что этого не может быть. Голос с 1610 не знает его имени — они никогда не называли имён, это была негласная договорённость, старомодная, как не включать свет в чужих окнах.

Дейл опускается на колени — сам не понимая, зачем, — и говорит в пустоту вышки: «Здесь. Слышу тебя».

Секунда тишины. Потом голос произносит: «Слышу тебя» — тем же тембром, той же высотой, той же интонацией, которой это только что сказал Дейл. Повторение. Имитация. Эхо, которое впервые заговорило.

Дейл записывает это в журнал — рука уже дрожит, но он всё равно пишет: «2:44. Оно говорит. Оно говорит моими словами».

Потом голос произносит — уже не Дейловыми словами, но всё тем же тёплым низким тембром: «Я здесь. Я всегда здесь. Я слушал так долго».

И ещё — фраза, которую Дейл запишет последней в своей жизни, если считать журналы: «Не отвечайте мне молчанием».

Свет в вышке мигает один раз. Генератор работает — Дейл слышит его ровный гул, — но лампы на секунду гаснут и загораются снова, и в эту секунду Дейл видит за окном свет. Не лунный. Свет, который стоит в поле отдельным источником, — ровный, белый, без бликов, как окно чужой комнаты, стоящее посреди снега.

Потом — темнота. Полная. Не свет сдался — свет ушёл, как выключенный. И вместе со светом ушёл гул генератора. И шум вентилятора. И всё, что должно звучать.

Дейл стоит в вышке номер семь в абсолютной тишине — впервые в жизни он слышит тишину такой, какая она есть. полную, тяжёлую, физическую, давящую на барабанные перепонки с обеих сторон, как вода на глубине.

Он говорит — вслух, в пустоту, потому что другого не остаётся: «Слышу тебя».

И записывает — уже не дрожащей рукой, ровной, спокойной, потому что теперь всё равно: «3:14. Я здесь».

Эти три слова — последние, которые Дейл Хэйл пишет на этой земле. Тридцать один год он не будет писать ничего. Тридцать один год никто не будет писать от его имени.

Утром на вышку приедет Леннон — смену Дейла закончил Гилберт, которого разбудили странным звонком с диспетчерской, — и найдёт вышку целой, генератор целым, лампы целыми. Найдёт кофейник, в котором кофе сгорел в сухую гущу. Найдёт кружку — нетронутой. Найдёт журнал — сорок две страницы мелкого косого почерка, последняя запись: «3:14. Я здесь».

И найдёт ботинки Дейла Хэйла. Стоящие посреди пола вышки, аккуратно, носок к носку, как ставят обувь при входе в дом. Носки внутри — сухие, тёплые, как будто только что снятые.

Больше Дейла Хэйла не найдут никогда. Ни на Дальнем

Востоке, ни в Канаде, ни в море, ни в земле. Человек исчез из запертой вышки посреди октябрьской ночи, оставив ботинки, журнал и один живой свидетель — голос на канале 1610, который до сих пор будет ждать ответа.

В журнале есть ещё одна запись. Она сделана не Дейлом — почерк другой, расширенный, будто чужой человек писал в чужой тетради. Она стоит после записи «3:14. Я здесь» и занимает всю оставшуюся страницу:

«Не отвечайте.

Пусть никто не отвечает. Я не хочу, чтобы кто-то ещё пришёл.

Я не могу вернуться. Но я не могу уйти.

Не оставляйте тишину открытой. Она не дверь. Она рот — она рот, она ест».

Последнее слово написано на чужом языке. Леннон покажет запись лингвисту из университета, и тот скажет: «Это не язык. Это попытка написать то, для чего языка нет».

Леннон не поверит. Леннон снимет копию и покажет Дейлу Полю Гилберту, и Гилберт скажет: «Это записал Дейл. Это его почерк — просто уставший». Леннон не станет спорить. Он свернёт копию и положит её в конверт, который подпишет: «Дейлу. Если вернётся».

Дейл записал время в журнале дважды — сначала цифрами, затем словами, словно боялся, что чернила могут изменить смысл. На полях он оставил ещё одну пометку: если запись повторится, сравнить не слова, а паузы между ними.

Позже никто не вспомнит, почему эта мелочь показалась ему важной.

Через тридцать один год этот конверт прочитает его внук.

Дейл проверил замок на двери, хотя знал: кроме него, Леннона и дежурного диспетчера никто не имел ключей от площадки. Замок был холодным и влажным, будто его только что вынули из воды. Он вытер ладонь о брюки и посмотрел на часы. Секундная стрелка двигалась без рывков. Это успокаивало: пока часы шли правильно, можно было притворяться, что мир тоже подчиняется правилам.

В журнале он завёл новую страницу и разделил её на три колонки: время, частота, наблюдение. Потом добавил четвёртую — «ответ». Раньше он не записывал собственные ответы, считая их несущественными. Теперь ему захотелось проверить, не повторяет ли голос его слова с задержкой. Если это была запись, задержка должна была быть постоянной. Если отражение — зависеть от условий. А если ни то ни другое, оставалось признать, что в эфире есть собеседник, которому неоткуда взяться.

Дейл вынул из кармана записку Мелани и разгладил её большим пальцем. Бумага истончилась на сгибах. Он собирался позвонить сразу после смены, купить по дороге хлеб и наконец починить калитку. Простые планы казались почти неприличными рядом с тем, что происходило на частоте 1610. Но именно они удерживали его на месте. Он записал в журнал: «2:41. Сигнал без видимого источника. Не отвечать

до проверки». И тут же услышал, как кто-то на другой стороне тихо произнёс его имя.

Вечером Дейл задержался в гараже дольше обычного. Он разобрал старый радиоприёмник, который кто-то принёс на ремонт ещё в начале недели, и разложил детали на верстаке по размеру. В этом занятии была понятная последовательность: винт, шайба, провод, контакт. Если звук пропадал, можно было найти место, где цепь размыкалась. Если шкала вралась, виновата была пружина или ось. Он любил вещи, у которых поломка имела границы.

За стеной гудел холодильник. Ворота гаража подрагивали от ветра. Дейл включил лампу над верстаком и поймал себя на том, что слушает не радио, а паузы между звуками. В последние недели тишина перестала быть пустым промежутком. Она казалась комнатой, в которую кто-то входил, пока он отворачивался.

Он нашёл на плате след старого ремонта — тонкий слой припоя поверх треснувшего контакта. Кто-то уже пытался исправить эту поломку, но не очистил металл и не закрепил провод. Дейл усмехнулся: так и получаются неисправности, которые возвращаются. Он хотел сфотографировать плату для заказчика, но телефон мигнул входящим сообщением без номера. На экране было только: «Не включай после полуночи».

Он проверил журнал вызовов. Ничего. Сообщение исчезло, когда он открыл его снова. Дейл долго держал телефон

в руке, чувствуя, как глупо выглядит со стороны взрослый человек, испугавшийся нескольких слов. Потом выключил приёмник, вынул батареи и положил их отдельно. Это не было признанием в страхе. Это было решение отложить проверку до утра.

Но домой он поехал не сразу. Сначала обошёл здание, осмотрел замок на боковой двери и посветил фонарём в пустой двор. На мокром асфальте лежал обрывок синей изоляции. Дейл поднял его и машинально убрал в карман. Он не мог объяснить, почему сделал это, только знал, что утром захочет убедиться: эта мелочь действительно существовала.

На следующий день Дейл пошёл к старому мосту, где мобильная связь обычно пропадала на несколько секунд. Он не собирался проверять сообщение из гаража; он хотел понять, не было ли у него обычного объяснения. В кармане лежал маленький радиоприёмник на батарейках, а в другой руке — блокнот. Он отметил время, направление ветра и уровень шума у дороги. Машины проходили редко, и каждый звук долго держался над водой.

На середине моста приёмник щёлкнул, хотя шкала не показывала устойчивой станции. Дейл остановился и записал показания. Через минуту повторилось то же самое. Он поменял положение антенны, отступил на несколько шагов и проверил батареи. Ничего не изменилось. Потом из динамика донёсся не голос, а короткая последовательность тонов, слишком ровная, чтобы принять её за обычный треск. Дейл

записал длительность, но не стал пытаться расшифровать её на месте.

Когда он вернулся к машине, там стоял мужчина в рабочей куртке. Дейл узнал нашивку коммунальной службы, но не лицо. Мужчина спросил, зачем тот носит приёмник к мосту. Вопрос прозвучал не угрожающе, скорее устало. Дейл ответил, что проверяет помехи. «Тогда записывай всё, — сказал мужчина. — Даже то, что не понимаешь. Особенно это».

Дейл спросил его имя. Мужчина посмотрел на реку и сказал, что имя сейчас ничего не изменит. Он предупредил, что старый кабель под мостом давно отключён на бумаге, но никто не проверял все ответвления после последнего ремонта. Затем ушёл вдоль дороги, не оставив ни телефона, ни должности, которую можно было бы проверить.

Дейл не последовал за ним. Он сфотографировал место, где тот стоял, и записал разговор дословно, пометив, что личность собеседника не установлена. Вернувшись домой, он впервые рассказал Мелани не только о странном сигнале, но и о собственном решении скрывать такие поездки. Она слушала молча. Потом спросила, готов ли он показать ей записи целиком. Дейл положил блокнот на стол.

Дейл долго не решался открыть блокнот при Мелани. На страницах были не только замеры, но и его собственные попытки объяснить, почему он возвращался к мосту. Он записывал версии, перечёркивал их, отмечал, какие факты им

противоречат. В одном месте крупно стояло: «Не путать желание услышать с тем, что действительно услышал». Мелани прочитала эту строку дважды. Она ожидала увидеть доказательство тайны, а увидела человека, который сам боялся обмануться.

В конце блокнота обнаружилась схема, нарисованная на обороте счёта за электричество. Линия шла от моста к вышке, но затем раздваивалась и уходила к старой насосной станции. Дейл поставил вопросительный знак возле ответвления. Мелани спросила, почему он не рассказал ей о схеме. Он ответил, что боялся: если она увидит, насколько мало он знает, то попросит прекратить поиски. «Я и сам хотел прекратить, — сказал он. — Но каждый раз находил ещё одну деталь».

Они договорились передать копию Моссу и не обсуждать её как готовую карту происходившего. Для Мелани это было труднее, чем она ожидала. Она хотела, чтобы у каждой линии было назначение, у каждой даты — причина, а у каждого молчания — виновник. Но блокнот показывал не разгадку, а движение человека через страх и сомнения. Впервые она увидела, что Дейл не скрывал от неё ответ. Возможно, он сам всё это время не мог его найти.

Перед тем как передать блокнот Моссу, Мелани переписала на отдельный лист всё, что помнила о последних неделях Дейла. Она не пыталась выстроить историю в правильном порядке: сначала записала воспоминания, потом отметила даты, в которых была уверена, и отдельно — те, что мог-

ла перепутать. В конце написала, что некоторые разговоры могли казаться важнее только теперь, когда она знала об исчезновении. Этот лист она положила рядом с копией блокнота, не выдавая позднее понимание за прежнее знание.

Мелани впервые пришла в гараж одна после исчезновения Дейла. До этого она избегала его рабочего места: инструменты и коробки казались слишком точными свидетельствами того, что он собирался вернуться и закончить начатое. Она включила верхний свет и увидела на верстаке прямоугольник более чистого металла, где прежде стоял прибор. Пыль вокруг сохранила контуры основания и две параллельные полосы от ножек.

Она не стала сразу разбирать ящики. Сначала сфотографировала стол целиком, затем каждую полку и только после этого начала читать этикетки на коробках. В одном ящике лежали катушки провода, в другом — запасные предохранители и старые квитанции. На дне небольшой жестяной коробки нашлась бирка с номером, совпадавшим с одной из записей в блокноте. Мелани положила её в отдельный конверт, записала, где именно нашла, и позвонила Моссу.

Когда он приехал, она спросила, не выглядит ли всё это смешно: два взрослых человека фотографируют пыль и сохраняют кусок картона. Мосс ответил, что смешным становится не предмет, а вывод, который делают без проверки. Бирка могла быть связана с радиолинией, а могла попасть в гараж вместе с купленными деталями. Они не знали. Он

оформил её как найденный предмет и попросил не пытаться очищать надпись.

Перед уходом Мелани осталась у верстака. Она вдруг вспомнила, как Дейл учил Шона паять провода, придерживая его запястье, чтобы рука не дрожала. Тогда она сердилась на них за запах канифоли в доме. Теперь воспоминание принесло не ответ, а тепло, и она позволила ему остаться без дальнейшего объяснения.

В журнале Дейла были страницы, которые он заполнял не для начальства. Он различал их по нажиму карандаша: служебные записи выходили ровными, с одинаковыми цифрами и аккуратными полями, а личные начинались почти у переплёта, словно он хотел спрятать их от случайного взгляда. В ту ночь он перевернул страницу и нарисовал три короткие линии. Первая обозначала штатную частоту, вторая — помеху, третья не совпадала ни с одной из них. Он проверил часы, затем настенные часы, затем часы на панели. Разница составляла семь секунд. Этого было слишком мало, чтобы вызвать тревогу, и слишком много, чтобы он мог спокойно оставить отметку без объяснения.

Дейл знал, как легко техника заставляет человека поверить в закономерность. Плохой контакт превращает дыхание в шёпот; влажный кабель добавляет глухой гул; соседний передатчик способен дать ложный тон, который кажется почти человеческим. Он перечислил эти причины в уме и проверил каждую по порядку. Разъёмы были сухими. Индикатор

стоял ровно. На резервном приёмнике не было ни несущей, ни всплеска. Он записал результаты и заставил себя не перечитывать фразу, которую услышал прежде: «Ты ещё не ответил». Слова были простыми. Именно поэтому от них нельзя было отмахнуться как от случайного шума.

Перед тем как покинуть аппаратную, Дейл снял с полки старую катушку с маркировкой «нижняя линия». На коробке стояла дата, написанная не его рукой. Он помнил, что катушка должна была быть списана ещё весной, но не помнил, кто вернул её на место. Внутри лежал обрезок ленты длиной меньше ладони, слишком короткий для нормального воспроизведения. Дейл положил его в конверт, написал время и номер вышки. Потом, подумав, добавил: «Не стирать». Это была первая запись за смену, которую он не захотел объяснять самому себе.

Ветер усилился ближе к четырём. Башня отзывалась едва слышным металлическим стоном, и Дейл поймал себя на том, что различает в нём паузы, как в чужой речи. Он вышел на площадку, обошёл ограждение и посмотрел на равнину. Никаких огней, кроме далёкой дороги. Никаких людей. На снегу у служебной двери остался его собственный след, ведущий от машины к лестнице. Второго следа не было. Он всё равно проверил замок, потому что проверка была действием, а страх — нет. Вернувшись, он поставил кружку на стол и оставил её там, не сделав ни глотка.

Перед рассветом Дейл сделал то, что обычно отклады-

вал до конца смены: позвонил домой. Линия долго молчала, потом в трубке послышалось сонное дыхание Мелани. Он спросил, всё ли в порядке, хотя сам не мог объяснить, почему этот вопрос вдруг стал необходимым. Она сказала, что дети спят, что отопление снова стучит и что он забыл купить хлеб. Дейл улыбнулся. Обычные слова возвращали ему привычный мир, и он хотел удержать их подольше. Но когда Мелани спросила, почему он звонит так рано, он не смог сказать правду: ему нужно было услышать голос, который не проходил через аппаратуру.

Он записал звонок в журнал не как служебное событие, а как личную заметку: «Дом. 4:07. Всё в порядке». Затем перечеркнул слово «всё» и написал «пока». Сам не понял, почему выбрал именно его. На обратной стороне страницы он нарисовал схему соединений нижней линии и указал три точки, где сигнал мог бы замкнуться на старую сеть. Схема была неполной, но её можно было проверить. Он решил передать её Рою после смены, не упоминая услышанного голоса, пока не сможет повторить наблюдение. Это было последнее решение той ночи, которое казалось ему вполне разумным.

В 4:19 индикатор мигнул снова. На этот раз Дейл не ответил и не произнёс ни слова. Он только нажал кнопку записи и отодвинул микрофон. Тон возник, затих и оставил после себя короткую паузу, настолько ровную, что она напоминала измеренный интервал. Дейл переслушал фрагмент на малой громкости, затем на большой. Во второй раз ему показалось,

что в конце слышен вдох. Он отметил это как субъективное впечатление и не вписал в техническую графу. Когда он закрыл журнал, на столе лежала тонкая пыльная полоска, будто кто-то провёл пальцем по поверхности. Он не стал искать след.

На рассвете он выключил передатчик, но оставил резервный приёмник включённым. По инструкции это было не нужно; по опыту — бесполезно. Дейл объяснил себе, что хочет проверить, сохранится ли фон после отключения основного оборудования. Потом вышел на улицу и увидел, как свет постепенно делает равнину плоской и беззащитной. Вдали двигался грузовик, за ним поднималась тонкая пыль. Мир выглядел совершенно обычным, и это не успокаивало. Он вернулся внутрь, подписал конверт с короткой лентой и убрал его в карман куртки. Он собирался показать её Рою лично, не через почту и не через начальство.

Глава первая. Обычное утро

Мидлтаун просыпается так, как просыпается всё в Небраске: с криком дроздов, скрипом флигеля Уэйнов и запахом кофе из окна миссис Пирс. Кофе у миссис Пирс всегда пахнет так, будто его варили для целой роты — и она варит его для целой роты, потому что сорок лет подряд ставит в окно глиняную кружку «для одиноких прохожих». Кружку никто ни разу не тронул. Это самая тихая новость города и самая честная.

Дом Хэйлов стоит на Клей-стрит, третьим от угла. Дом старый, двухэтажный, с крыльцом, которое Пол Хэйл собирается перекрасить уже двенадцать лет — краска есть, кисти есть, даже схема покраски есть, нарисованная Мелани на обороте чека из банка. Но крыльцо не покрашено, и это стало традицией: каждое лето Пол смотрит на схему, Мелани смотрит на Пола, и оба молча понимают, что покраска крыльца — это обещание, которое семья делает самой себе, чтобы было что нарушать в следующем году.

Шон спит на животе, лицом в подушку, руки под головой, как сорокашка, свернувшаяся в кулак. Ему шестнадцать, и он спит так, как все шестнадцатилетние: так, будто в прошлой жизни он был матросом и до сих пор отходит от качки.

Будильник стоит на тумбочке. Будильник не работает — не работает третий год, с тех пор как Шон вынул из него ба-

тарейку, потому что будильник звенел в 3:14 каждое утро, независимо от того, было ли это установлено. Батарейку вынули, будильник продолжил звенеть. Пол открыл заднюю крышку и вытащил шестерёнку, и будильник продолжил звенеть. Тогда будильник поставили на тумбочку — и он замолчал сам.

Шон не помнит, когда это началось. Мелани говорит: «Ты в двенадцать стал просыпаться в три ночи и сидеть в кровати». Шон говорит: «Я не просыпаюсь». На самом деле Шон просыпается в 3:14 каждое утро — не будильник будит, а что-то другое. Он открывает глаза, и первая мысль всегда одна и та же: «Оно здесь».

Он не знает, что такое «оно». Он никогда не пытался это называть. Он просто лежит в темноте и слушает.

В 3:14 в доме нет звуков. Есть только то, что всегда есть: тихое дыхание родителей за стеной, скрип лестницы на третьей ступени от вентиляции, тиканье кухонных часов — тиканье, которое доносится снизу сквозь пол. И ещё — то, чего нет нигде, кроме этих четырёх минут. Тон. Очень слабый, очень низкий, почти не слышный — не ухом, а грудью, как слышат инфразвук. Тон стоит в доме как вторая стена. Он не растёт и не убывает. Он просто есть — от 3:14 до 3:18, четыре минуты, каждую ночь, всю жизнь Шона.

Шон не говорил об этом никому. Он не потому, что боялся. Он потому, что слово «тон» не описывает. Как назвать то, что стоит в доме как стена и ждёт?

В 7:30 Шон открывает глаза уже по-настоящему — и слышит, как внизу мать ругает тостер. Это старый тостер, он трижды чинен, и Мелани трижды обещала его выбросить, но тостер держится из упрямства, как весь этот город.

Кухня. Свет. Отец сидит за столом с газетой, но не читает её — смотрит в одну точку. Мать крутится у плиты. Джесс вползает в комнату на четвереньках, волосы как у попугая, и падает на стул.

«Доброе утро, сурок», — говорит Мелани.

«Мама, — говорит Джесс, — у меня по химии контрольная. Я не готова. Скажи, что у нас в городе сейчас все болеют».

«Не скажу».

«Тогда скажи, что я болею».

«Не скажу».

«Тогда скажи, что я умираю».

«Не скажу», — говорит Мелани, но кладёт перед Джесс тост, и Джесс понимает, что умирающая дочь получает тост.

Пол поднимает глаза от газеты. Смотрит на Шона. Говорит: «Сегодня я сменю водяной фильтр на подстанции. Кто со мной — тот умрёт от скуки, но кто со мной, тот будет знать, как делать по-настоящему».

«Я по субботам», — говорит Шон.

«Сегодня не суббота. Сегодня — сегодня. Сегодня утром ты и я едим в Норт-Плейт за насосом, а по дороге ты расскажешь мне, почему в твоей тетради по физике одни синусо-

иды».

«Потому что я учусь».

«Ты рисуешь синусоиды. Учиться — это когда читаешь».

«Я не читаю. Я слушаю».

«Что ты слушаешь?»

Шон молчит. Он не может сказать «тон». Он не может сказать «3:14». Он не может сказать «оно здесь».

«Я слушаю, — говорит он, — как машина на улице запускается».

Это правда. И отец знает, что это правда, потому что отец всё про него знает. Пол Хэйл — человек, который никогда не задавал вопросов, на которые не хотел получать ответов. Он задал вопрос. Шон дал ответ. Отец принял ответ. Это был договор — негласный, как не включать свет в чужих окнах.

По дороге в Норт-Плейт, в пикапе, который пахнет дизелем и старой кожей, Пол говорит — глядя на дорогу: «Сын. Ты можешь не отвечать. Но я хочу сказать».

Шон молчит.

«Я знаю, что ты просыпаешься в 3:14. Я знаю это с двенадцати лет. Я слышал, как ты вставал и сидел в кровати, — я не спал, я ждал, пока ты заснёшь обратно. Я не подходил, потому что ты бы меня выгнал. Я не спрашивал, потому что не хотел, чтобы ты стал говорить это вслух».

Шон смотрит в окно. Полевая дорога бежит под колёсами.

«Я скажу тебе одну вещь, — говорит Пол. — Твой дед Дейл — не человек, который исчез. Твой дед Дейл — чело-

век, который не вернулся. Это разные вещи. Ты, когда подрастёшь, поймёшь, почему это разные вещи, и поймёшь, что один и тот же человек может быть и тем и другим, если его семья достаточно долго ждёт».

Шон не отвечает. Отец не ждёт ответа.

«Ты пока не говорил, — говорит Пол, — но однажды придётся. И когда придётся — говори не мне, не маме, не Джесс. Говори тому, кто будет слушать. Это единственное, что важно».

Шон спрашивает — тихо, в стекло: «Оно уйдёт?»

И отец говорит — тоже в стекло, чтобы не смотреть Шону в глаза: «Оно всегда что-то есть».

За «Сыроварами» они покупают хот-доги. За магазином №4 — бензин. За бензоколонкой — собака Уэйнов, рыжий пёс без имени, который знает все машины в городе и всех людей в них и к чужим подходит, а к своим — нет, он к своим никогда не подходит, он просто смотрит.

Шон говорит: «Он выглядит как дедушка».

Отец говорит: «Он старше дедушки».

И это первое, что Шон сегодня слышит, над чем не смеётся.

Дома Шон открывает тетрадь и рисует синусоиду. Он рисует её не по математике — по памяти. Тон в 3:14 не имеет формы, но Шон рисует его как форму: линия, которая приходит из ниоткуда, замирает, отступает, возвращается. На линии — отметка: 3:14. Под линией — подпись: «Не отве-

чайте».

Шон вернулся к экрану уже после рассвета. Он проверил кабель, питание и настройки приёмника, потом повторил всё заново, меняя только одну переменную за раз. Любая обычная помеха рано или поздно подчинялась проверке. Эта — нет. Чем аккуратнее он действовал, тем отчётливее проступал рисунок, похожий на чьё-то терпеливое ожидание.

Это первая вещь, которую Шон напишет от руки за всю свою жизнь, — и последняя, которую никто не прочитает полгода.

За завтраком Шон старался вести себя как обычно. Он спорил с Джесс из-за последнего тоста, пожаловался на контрольную и обещал отцу помочь с гаражной дверью в субботу. Всё это было правдой, но не всей правдой. Под столом его нога отбивала короткий ритм: три удара, пауза, один удар. Он заметил это только тогда, когда мать положила ладонь ему на колено.

— Ты опять не спал? — спросила Мелани, не глядя на него.

— Спал.

Она не стала спорить. Взрослые в Мидлтауне умели задавать вопросы так, чтобы ребёнок мог солгать и всё же услышать, что ему не поверили. Пол сложил газету, но не убрал её со стола. На первой полосе рассказывали о ремонте окружной дороги, и отец смотрел на фотографию дорожного катка, будто там было спрятано объяснение всему происходящему.

По дороге в школу Шон остановился у витрины закрытого магазина электроники. В стекле отражалась улица, пустая остановка и он сам. На мгновение отражение отстало от движения: Шон уже повернул голову, а отражённый мальчик ещё смотрел прямо перед собой. Он моргнул — и стекло стало обычным. Внутри магазина стоял старый радиоприёмник, выставленный как декорация. Его шкала светилась янтарным светом, хотя шнур был перерезан.

Шон начал вести тетрадь не потому, что верил в разгадку. Ему надоело, что взрослые говорили о странных событиях так, будто каждое из них случилось отдельно и потому не требовало общего ответа. Он нарисовал таблицу: время, место, кто слышал, что именно услышал, что происходило рядом. В последней графе оставил место для того, что можно проверить.

На первой странице он записал три версии. Первая: люди слышат обычные звуки и придают им значение, потому что ждут беды. Вторая: в городе существует технический источник помех, который влияет на аппаратуру и иногда напоминает человеческую речь. Третья: взрослые знают о случившемся больше, чем говорят. Третья версия раздражала его сильнее остальных. Она не объясняла звук, зато объясняла молчание.

В школе он попросил учителя физики разрешить ему провести опыт с двумя приёмниками. Учитель сперва решил, что речь о проекте на ярмарку науки, и даже похвалил ак-

куратность записей. Но, увидев даты, стал серьёзнее. Он не стал высмеивать Шона и не стал подтверждать его догадки. Вместо этого спросил, кто ещё проверял измерения и не менял ли Шон настройки между наблюдениями.

Этот вопрос оказался полезнее любой похвалы. Шон понял, что ему нужен второй человек, который не будет бояться назвать ошибку ошибкой. Он позвонил однокласснику, но тот отказался: дома запретили говорить о радиовышке. Тогда Шон переписал таблицу начисто и оставил пустые строки. Пустота выглядела честнее, чем вывод, сделанный заранее.

Перед сном он услышал короткий щелчок из коридора. Он не бросился проверять дверь и не стал записывать звук как доказательство. Сначала посмотрел на часы, затем отметил в тетради: «23:17. Один щелчок. Источник не установлен». Только после этого встал и включил свет. Коридор был пуст. Но впервые за долгое время Шон почувствовал не только страх, но и любопытство, которое не требовало немедленно верить в худшее.

Шон решил проверить, насколько сильно результат зависит от того, что человек ожидает услышать. Он попросил троих знакомых прослушать короткие записи, не сообщая им, откуда они взяты. Для контроля добавил несколько обычных шумов: тормоза автобуса, ветер в пустой трубе, старую кассету с помехами. Он не задавал вопроса «что ты слышишь?» — только просил описать звук собственны-

ми словами.

Ответы разошлись настолько, что ему пришлось отказаться от первоначального способа подсчёта. Один человек называл импульс свистом, другой — дыханием, третий вообще не заметил его, пока не увидел график. В контрольных записях тоже находились «голоса», хотя Шон знал их источник. Он вычеркнул из таблицы колонку «похож на» и заменил её двумя: «описание участника» и «условия прослушивания».

Этот опыт не объяснил сигнал, но изменил отношение Шона к собственной тетради. Раньше он думал, что аккуратность нужна, чтобы убедить взрослых. Теперь понял, что аккуратность нужна прежде всего для того, чтобы не обмануть себя. Он позвонил Джесс и попросил помочь составить протокол, не пытаясь сделать из школьного проекта официальное расследование. Джесс согласилась посмотреть записи, но предупредила: выводы будут ограничены качеством аппаратуры и числом участников.

В тот же день учитель физики вернул ему лист с замечаниями. Он нашёл несоответствие в единицах измерения и отметил, что часы на одном устройстве могли сдвинуться после замены батареи. Шон поблагодарил его и исправил таблицу. Раньше такая ошибка показалась бы ему унизительной; теперь она стала частью работы.

Вечером он написал на первой странице: «Нельзя считать совпадением только то, что совпало с ожиданием». Ниже добавил: «Нельзя считать опровержением то, чего пока не уме-

ешь объяснить». Между этими двумя правилами оставалось много неизвестного, но теперь у него был способ не терять голову, пока он туда смотрит.

На следующий урок Шон принёс не гипотезу, а список того, чего не знал. Учитель прочитал его и сказал, что такой список редко появляется в начале исследования: большинство людей сначала старается выглядеть уверенными. Шон не понял, был ли это комплимент, но сохранил лист. Он включил туда вопросы о времени распространения сигнала, о возможных отражениях от металлических конструкций и о том, как отличить реальный импульс от ошибки записи.

После занятий они вместе проверили два приёмника в школьном кабинете. При включённом зарядном устройстве один из них ловил периодические щелчки. Когда зарядное устройство отключили, щелчки исчезли. Это было простое объяснение, но Шон записал его отдельно и сфотографировал расположение проводов. Учитель напомнил, что именно такие контрольные проверки делают необычный результат убедительным: если не проверять обычные причины, необычная версия ничего не стоит.

Дома Шон применил тот же принцип к записям с вышки. Он не нашёл полного объяснения, но выявил несколько случаев, где шум совпадал с работой бытовой техники. Эти файлы он пометил как сомнительные, не удаляя их. Ему стало легче от того, что таблица больше не была соревнованием между ним и взрослыми. Она была инструментом, который

иногда говорил ему неприятные вещи и тем самым помогал двигаться дальше.

Шон заметил, что его таблица стала слишком сложной для одного человека. Он попросил Джесс помочь сделать краткое описание метода, чтобы другой исследователь мог повторить проверку без долгих объяснений. Они убрали лишние обозначения, добавили легенду и отдельно описали, как отмечать отрицательные результаты. Шон впервые понял, что ясность — не украшение отчёта, а часть самой проверки: если никто не может понять, что он сделал, его выводы нельзя проверить.

Шон подготовил короткое выступление для школьного кружка. Он решил не рассказывать о пропавших людях и не показывать записи, которые могли задеть семьи. Вместо этого он объяснил, как ожидание влияет на слух и почему в исследовании важно оставлять место отрицательным результатам. На доске он нарисовал три колонки: наблюдение, объяснение, проверка. В первую записал «короткий импульс», во вторую — несколько возможных причин, в третью — способы проверить каждую из них.

Один ученик спросил, зачем заниматься этим, если в конце концов всё может оказаться обычной неисправностью. Шон ответил, что это не отменит ценности работы: если найдётся неисправность, её можно будет устранить; если не найдётся, они будут знать больше о пределах проверки. Другой ученик спросил, верит ли Шон в радиоголоса. Он подумал и

сказал, что верит собственным наблюдениям ровно настолько, насколько они подтверждены, но не считает, что уже знает их источник.

После выступления к нему подошла девочка, чей отец когда-то работал на вышке. Она сказала, что дома хранятся его рабочие журналы, но мать не хочет их показывать, потому что боится, что семью втянут в слухи. Шон не попросил немедленно принести бумаги. Он дал ей адрес библиотеки и объяснил, что можно сначала поговорить с Моссом о правилах хранения и ограничениях доступа. Девочка поблагодарила его и ушла.

Шон понял, что раньше воспринимал каждый найденный материал как добычу. Теперь ему приходилось помнить, что у каждой бумаги есть владелец, у каждого рассказа — человек, а у каждого человека — право сказать «нет». Это усложняло работу, но делало её достойной продолжения.

Шон начал день с попытки жить по расписанию. Он заправил кровать, поставил чайник и записал в блокнот три дела: зайти в библиотеку, позвонить Джесс, забрать у матери коробку с бумагами. Список выглядел разумно, пока он не заметил, что поставил возле каждого пункта время. Он делал так с тех пор, как исчез Дейл: будто достаточно точно распределить день, чтобы не осталось свободного промежутка для воспоминаний. Он зачеркнул часы, оставив только сами дела. Потом вернул их на место. Противоречие раздражало его больше, чем он хотел признать.

В библиотеке миссис Пирс выдвинула ящик с местными газетами и объяснила, что часть выпусков за девяносто четвёртый год испортилась после протечки крыши. Она говорила деловым тоном, но каждый раз, произнося фамилию Хэйл, ненадолго задерживала пальцы на краю ящика. Шон не стал спрашивать, помнит ли она тот день. Вместо этого он предложил помочь оцифровать уцелевшие страницы, если библиотека сможет выделить ему место и сканер. Миссис Пирс посмотрела на него внимательнее. «Ты хочешь найти ответ или хочешь, чтобы люди не забыли, что вопрос был?» — спросила она. Шон сказал, что пока не знает. Она сочла это достаточно честным ответом.

В старой газете он нашёл короткую заметку о перебоях связи на трассе семьдесят один. Текст занимал пять строк и объяснял всё погодой. Ни фамилии Дейла, ни номера вышки, ни упоминания о странном сигнале. В соседней колонке сообщалось о школьной ярмарке и победителе конкурса тыкв. Шон долго смотрел на эти две новости рядом. Город мог одновременно переживать что-то необъяснимое и обсуждать размер овоща; одно не отменяло другого. Он отсканировал страницу целиком, сохранив и заметку, и ярмарку. Позже ему предстояло понять, что именно в этом соседстве было важнее: совпадение событий или привычка человека замечать только то, что подтверждает его страх.

После полудня Шон встретился с Джесс у закусочной. Она принесла список людей, готовых рассказать о событиях девя-

носто четвёртого года, но рядом с несколькими именами стояли пометки «только без записи» и «не связывать с семьёй». Шон сначала назвал это неудобством. Джесс молча пододвинула лист к нему. Он прочёл пометки ещё раз и понял, что список был не перечнем улики, а перечнем доверия. Если он хотел, чтобы люди говорили, ему придётся перестать считать их осторожность препятствием. Он извинился. Джесс не стала облегчать ему задачу шуткой, и он был ей за это благодарен.

В следующие дни Шон выработал привычку записывать вопросы перед тем, как идти к свидетелю. Не «что вы скрываете?», а «что вы помните точно?»; не «почему вы не рассказали раньше?», а «когда вы впервые решили, что это стоит рассказать?». Сначала эти формулировки казались ему искусственными, будто он говорил чужим голосом. Но люди отвечали спокойнее, когда не чувствовали, что им уже приготовили роль. Один пожилой фермер вспомнил, что видел машину возле вышки, но не мог назвать ни цвет, ни модель. Раньше Шон отметил бы это как бесполезное свидетельство. Теперь он записал условия: сумерки, расстояние, дождь, взгляд через окно трактора.

Фермер попросил не публиковать его имя, потому что его сын работал в окружном управлении и не хотел, чтобы разговоры повредили ему. Шон объяснил, что можно сохранить закрытую запись и использовать только обезличенную деталь, если она окажется полезной. Они вместе перечита-

ли протокол, и фермер поправил время на двадцать минут. Эта поправка изменила последовательность событий: машина могла проехать до начала смены Дейла, а не после. Новая версия была менее эффектной, зато лучше согласовывалась с погодным отчётом. Шон понял, что уважение к свидетелю не означает принимать каждое его слово за факт; оно означает дать ему возможность уточнить, где заканчивается память и начинается догадка.

Вечером он отнёс Моссу первую папку с интервью. Мосс просмотрел её и указал на две записи, в которых Шон сам вставил слова «вероятно» и «похоже». Он спросил, кто именно сделал вывод — свидетель или интервьюер. Шон ответил, что это его пометки. Мосс предложил вынести их в отдельную колонку, чтобы читатель не спутал наблюдение с анализом. Шон переписал страницы, хотя работа заняла ещё час. По дороге домой он думал, что расследование стало медленнее. Потом вспомнил, как легко раньше делал вывод из одного выразительного предложения, и решил, что медленность может быть ценой за то, чтобы не навредить живым людям.

Глава вторая. Дневник деда

Вторник начинается с сочинений.

Лора Уинтерс — учительница английского, тридцать восемь лет, незамужняя, живёт одна с кошкой по имени Томас Гекльберри, — раздаёт классу тему: «Самый тихий момент, который я помню».

Шон пишет четыре предложения. Он пишет о том, как в 3:14 встал и сидел в кровати — впервые он пишет об этом вслух, пусть и в тетради. Он пишет: «Самый тихий момент в моей жизни — это не момент. Это время от 3:14 до 3:18, когда в доме стоит тон, который я не могу назвать».

Лора читает сочинение в классе — нет, не читает, она читает его про себя, пока класс пишет, — и не понимает, почему у неё мёртвеют пальцы.

Лора выросла в этом городе. В четырнадцать лет её соседка — старуха по имени Маргарет Уильямс — позвала её пить чай и сказала: «Девочка, не спи в 3:14. Оно приходит в 3:14, и если ты спишь, оно думает, что ты не хочешь слушать». Лора смеялась. Лора было четырнадцать, и она думала, что старухи страшные.

Старуха умерла через год. Лора — уже не смеялась.

Лора говорит Шону после урока: «В твоём сочинении есть строка. "Тон, который я не могу назвать". Скажи мне: это из сна или из реальности?»

Шон молчит. Он не привык, чтобы о нём спрашивали.

«Я спрашиваю не потому, что хочу ответить, — говорит Лора. — Я спрашиваю, потому что я выросла здесь и я знаю то, о чём здесь не говорят. Твой дед — Дейл Хэйл, верно?»

Шон кивает.

«Он жил в доме номер четырнадцать на Клей-стрит. За два месяца до того, как он исчез, он заходил ко мне. Он сказал: "Уинтерс, если мой внук придёт с вопросом, ответь ему: не отвечай молчанием, но и не отвечай первым"». Лора останавливается. «Я не помнила этих слов двадцать три года. Сегодня я вспомнила».

Шон выходит из класса и идёт не домой. Он идёт к Рою Каммингсу.

Рой живёт в доме, к которому примыкает гараж. Гараж — это радиоклуб. Радиоклуб — это стол, полтора старых приёмника, две катушки, стена с дипломами и фотографиями, и одна фотография, на которой — мачта, вечер, три человека: Дейл Хэйл, Рой Каммингс, Пол Гилберт. На фото 1994 года все трое смеются. Рой держит кружку, Пол — сигарету, Дейл — журнал с ручкой наизготовку.

Рой не работает. Рой не работает двадцать лет — с тех пор, как он «поднял» что-то на 1610 и после этого перестал спать. Он живёт на пенсию и по вечерам сидит в гараже, слушает эфир и ждёт.

Шон входит в гараж. Рой поднимает голову, кивает, не поворачивается: «Хэйл. Я знал, что ты придёшь».

«Вы не могли знать».

«Я знал двадцать шесть лет, — говорит Рой. — Я знал с того дня, когда твой дед сказал мне: "Рой, если однажды на пороге моего гаража встанет человек, который проснётся в 3:14 и не спит до 3:18, — расскажи ему всё". И вот тебе».

Шон садится.

«Твой дед, — говорит Рой, — не был сумасшедшим. Он был не таким, как все. Он слушал эфир так, как другие слушают жену: он знал его по дыханию. Он говорил мне: "Рой, эфир — это не пустота. Эфир — это комната, в которой кто-то стоит"».

«Что он слышал?»

«Несущую. Ровную, без биений. И потом — дыхание. Не своё. Не моё. Чужое».

Шон спрашивает: «А вы слышали?»

Рой молчит долго. Потом говорит: «Я слышал то, что не должен был слышать. Я не расскажу тебе, что это было, потому что не хочу, чтобы ты узнал. Спроси у него сам».

«У кого?»

«У эфира. Ты разберёшься».

В тот же вечер Шон находит в гараже дневник деда. Дневник — простая тетрадь в клетку, потёртая, с пятном кофе на обложке. Первые сорок страниц — записи о работе: смены, частоты, трамвайный гул. Потом — страницы с более крупным почерком, будто Дейл спешил.

«14 марта 1994. Снова 1610. Ровная несущая. 4 минуты

17 секунд».

«2 апреля. Мужик с бессонницей не выходил в эфир две недели. Я не могу уснуть».

«9 мая. Рой говорит: перегрев контура. Рой не слушает».

«22 июня. Тон в груди. Не ухом. В грудь».

«3 июля. Оно дышит. Я не могу записать, как оно дышит, потому что это не звук. Это присутствие».

«19 августа. Мелани спросила, почему я беру рацию в спальню. Я сказал: на случай отключения. Я соврал. Я беру рацию в спальню, потому что оно приходит в дом».

«30 сентября. Лора Уинтерс сказала: "Дейл, ты слышишь то, чего нет". Я сказал: "Лора, я слышу то, что слушает"».

«12 октября. Рой прав. Контур перегрет. Но контур не в рации. Контур во мне».

И последняя страница.

«31 октября 1994, 22:40.

Смена в 23:00. Мелани спит. Джесс? Джесс ещё нет.

Оно не зовёт. Оно ждёт, когда ты заговоришь первым.

Я говорил с ним два года. Я отвечал. Я отвечал каждый раз, когда оно звало.

Сегодня оно не звало. Оно просто стоит в комнате — как человек, который стоит в комнате и ждёт, что ты заметишь.

Я пойду на вышку. Я поднимусь на площадку и скажу: здесь. Слышу тебя.

Если я не вернусь — не отвечайте ему молчанием.

Тишина — это не отсутствие. Тишина — это дверь, кото-

рую не закрыли.

Дейл Хэйл».

Шон читает это стоя, при свече, в гараже Роя, и Рой не смотрит на него — Рой смотрит в стену, на фотографию 1994 года, где Дейл смеётся, и говорит — не оборачиваясь: «Тридцать два года я ждал человека, который придёт с вопросом. Я думал, что я буду готов. Я не готов».

И ещё: «Не отвечай молчанием, Хэйл. Но и не отвечай первым».

В дневнике между двумя страницами лежал узкий листок, вырванный из школьной тетради. На нём дед перечислил даты, но рядом с каждой оставил пустое место. Шон долго смотрел на эти незаполненные строки и понял: дед собирал не доказательства для чужого суда. Он пытался оставить карту тому, кто однажды окажется в той же темноте.

Шон забирает дневник. Рой не останавливает. Рой говорит: «Возьми. Он твой по праву, ты его кровь». И ещё, когда Шон уже стоит в двери: «Хэйл. Однажды оно заговорит с тобой. Когда заговорит — не пугайся. Оно не умеет злиться. Оно умеет только ждать».

После уроков Лора не сразу ушла из класса. Она собрала тетради, выровняла их по краю стола и снова открыла сочинение Шона. Почерк был неровным только в одном месте — возле слов «оно ждёт». Остальной текст выглядел так, будто мальчик переписывал чужую фразу, стараясь не ошибиться ни в одной букве.

Лора позвонила в городскую библиотеку и попросила поднять старые газеты за октябрь 1994 года. Библиотекарь спросила, для чего ей понадобились заметки о погоде и отключениях электричества. Лора ответила, что готовит урок. Это была не совсем ложь: она собиралась объяснить детям, как одна маленькая деталь может изменить смысл целой истории.

В библиотеке пахло картоном, пылью и отоплением. Подшивка за нужную неделю оказалась неполной: несколько страниц вырезали аккуратно, не повредив соседние. На полях одного номера кто-то карандашом написал «3:14» и нарисовал семь коротких вертикальных линий. Лора узнала почерк не сразу. Потом вспомнила записки Маргарет Уильямс — такой же наклон, такое же давление на бумагу. Старуха не просто боялась ночи. Она пыталась оставить предупреждение тому, кто придёт после неё.

В архиве Мосс работал по правилу, которое придумал ещё в первые годы службы: сначала ищи то, что должно было сохраниться, и только потом — то, что кто-то пытался спрятать. Пропущенная страница сама по себе ничего не доказывала. Её могли вынуть по ошибке, испортить водой, отправить на реставрацию. Но если исчезновение повторялось в нескольких независимых делах, случайность становилась слабым объяснением.

Он заказал старые журналы дежурств, ведомости коммунальной службы и список ремонтов на радиовышке. Работ-

ница архива принесла ему две коробки и предупредила, что часть бумаг пахнет сыростью. Мосс поблагодарил её, надел перчатки и начал с документов, которые никто не просматривал десятилетиями. Там были заявки на замену ламп, жалобы на перебои электричества, счета за кабель. На первый взгляд — скучная жизнь города, записанная без единого лишнего слова.

В нескольких документах повторялся один и тот же код неисправности. Его ставили в дни, когда в городе пропадали люди или поступали заявления о странных звонках. Код не обозначал ничего сверхъестественного; это была обычная отметка о нестабильном напряжении. И всё же даты складывались в узкую полосу, словно кто-то годами обводил карандашом один участок календаря.

Мосс не позволил себе назвать это закономерностью, пока не нашёл подтверждение в другом источнике. В старой газете была заметка о коротком отключении света, а в школьном журнале — запись о том, что занятия закончились раньше из-за неисправности оборудования. Три документа, созданные разными людьми, совпадали по времени. Ни один не говорил о пропавших. Ни один не объяснял, почему рядом с датой в личном блокноте Мосса стояло имя его дочери.

Он закрыл коробку и посидел, положив ладони на крышку. Архив не выдавал ответы; он лишь не позволял лжи оставаться единственной версией. Мосс решил копировать каждую страницу, даже если она казалась неважной, и записы-

вать, откуда она взята. Если ему предстояло ошибиться, он хотел хотя бы оставить другим возможность проверить его работу.

Работница архива принесла Моссу письмо, которое не относилось ни к одному из запрошенных дел. Оно лежало в конверте без маркировки, застрявшем между двумя папками с коммунальными актами. Бумага была тонкой, чернила выцвели, а подписи не было. В письме неизвестный автор просил не закрывать дело о «ночных измерениях», потому что «свидетельства исчезают быстрее, чем люди успевают договорить».

Мосс не позволил себе сразу связать письмо с пропажами. Он осмотрел конверт, записал, где и когда тот обнаружен, и попросил архивистку вспомнить, когда она последний раз переставляла эти папки. Она не помнила. Это тоже вошло в протокол. Затем он сравнил бумагу с бланками из соседних документов. Совпадение по типу было вероятным, но не уникальным; установить год по одному листу было невозможно.

В письме упоминались три даты и фамилия техника, которую Мосс видел в журнале ремонтов. Он запросил личное дело сотрудника и обнаружил, что после определённого года все документы о его работе хранились в другом подразделении. Перевод выглядел обычным, но объяснения к нему не было. Мосс написал официальный запрос, не сообщая, какую версию проверяет.

Пока он ждал ответа, архивистка спросила, почему он не фотографирует письмо и не отправляет его журналистам. Мосс ответил, что огласка может привлечь внимание, но не обязательно принесёт понимание. Если документ окажется подделкой, его уже не удастся вернуть в состояние неизвестности. Если окажется настоящим, он заслуживает проверки до того, как станет символом.

Он сделал копию, запечатал оригинал и добавил к делу отдельный лист с перечнем вопросов. Самым важным был не вопрос, кто написал письмо, а вопрос, какие утверждения в нём можно проверить независимо от автора. Впервые за много лет расследование перестало быть поиском одной тайны и стало набором конкретных задач.

Ответ на запрос Мосса пришёл в виде трёх страниц и короткого сопроводительного письма. Ведомство подтвердило, что техник Эллис действительно работал на участке, но личное дело было неполным: часть документов уничтожили по сроку хранения, часть передали в другое учреждение. В картотке перевода не было причины, только дата и подпись руководителя. Мосс не стал называть это сокрытием. Документы подтверждали перевод, но не объясняли его.

Он позвонил архивистке и попросил проверить, не сохранились ли приложения к приказу в соседнем фонде. Та согласилась поискать, предупредив, что результат может занять недели. Мосс записал сроки и отправил копию ответа Рою. Старик сразу узнал подпись начальника, но не смог

вспомнить обстоятельства. Он сказал, что тот часто подписывал десятки бумаг за раз и мог не читать каждую. И это тоже было возможно.

Вечером Мосс убрал ответ в папку и заметил, что впервые за долгое время не испытывает раздражения от неполноты. Раньше каждый пробел казался ему препятствием, которое нужно немедленно преодолеть. Теперь он понимал: пробел — это отдельный результат. Если назвать его пустотой, которую можно заполнить догадкой, расследование станет ещё одной версией легенды. Он составил перечень архивов, которые ещё следовало проверить, и закрыл дело до следующего рабочего дня.

Архивистка нашла в соседнем фонде опись коробки, которую перевезли после закрытия участка. В ней значились журналы замеров, личные записи техников и «материалы, не подлежащие копированию без разрешения отдела». Сама коробка пропала из списка при следующем переезде. Мосс не назвал это доказательством уничтожения: возможно, её перенесли под другим номером. Он оформил запрос по цепочке хранения и попросил не менять формулировку в описи. Самым важным стало то, что существование коробки теперь подтверждалось независимым документом.

Запрос о пропавшей коробке привёл Мосса к сотруднице, которая работала в архивном подразделении во время переезда. Она не помнила содержимого коробки, но сохранила собственную тетрадь с перечнем спорных отправок.

В ней стояла отметка о коробке с материалами радиолинии и инициалы человека, которому её передали. Рядом был вопросительный знак. Сотрудница объяснила, что ставила его, когда получатель не подтверждал расписку в тот же день.

Мосс попросил разрешения сделать копию страницы. Он не стал утверждать, что нашёл пропавшие документы; тетрадь лишь показывала следующий участок пути. Инициалы могли принадлежать нескольким людям, а вопросительный знак не доказывал, что коробка не дошла до адресата. Но теперь у них была дата, которую можно было сопоставить с журналами дежурств и ведомостями перевозки.

Сотрудница долго колебалась, прежде чем подписать согласие. Она боялась, что её обвинят в том, что она не проследила за коробкой. Мосс объяснил, что его интересует история хранения, а не поиск удобного виновника. Он записал её слова и дал ей прочесть протокол перед подписью. Она внесла два исправления: уточнила название отдела и указала, что тетрадь была личной, а не официальной.

На обратном пути Мосс думал о том, сколько следов сохранилось не благодаря системе, а вопреки ей. Личные заметки, копии квитанций, семейные фотографии — всё это удерживало детали, которые официальные журналы считали неважными. Он не романтизировал беспорядок: личные записи тоже ошибались. Но понимал, что надёжная картина возникает только тогда, когда независимые источники можно сравнить друг с другом.

Лора принесла дневник в библиотеку в коричневом пакете, который обычно использовала для школьных тетрадей. Она не хотела оставлять его на стойке и держала обеими руками, будто переплёт мог раскрыться сам. На обложке не было имени, только выцветшая полоска от наклейки. Лора объяснила, что дневник принадлежал её деду, работавшему на железной дороге, и что несколько страниц она уже читала в детстве. Тогда записи казались ей скучными: погода, смены, неисправные фонари, чужие опоздания. Теперь в них повторялась фраза о «пустом промежутке», и Лора боялась, что взрослые прочтут её как признание в чём-то, чего дед никогда не совершал.

Мосс попросил не передавать ему оригинал на постоянное хранение. Они составили акт осмотра, указали состояние бумаги, число страниц и следы прежнего ремонта. Каждую страницу фотографировали под одинаковым углом, не разглаживая сгибы силой. Шон хотел сразу перейти к странным записям, но Мосс настоял на последовательности: сначала весь документ, потом поиск совпадений. «Если начать с того, что пугает, всё остальное станет декорацией», — сказал он. Шон раздражённо кивнул, а позже, когда обнаружил на обычной странице дату, совпадавшую с записью о школьном спектакле, понял, зачем это было нужно. Дневник становился не загадочной книгой, а частью жизни конкретного человека.

На полях одной страницы обнаружилась тонкая черта,

проведённая через слово «тишина». Под увеличением было видно, что черта сделана другим карандашом и значительно позже основной записи. Лора вспомнила, что дед позволял ей рисовать на полях, когда она была маленькой, но эта линия была слишком ровной для детской руки. Она не узнала её и не стала придумывать объяснение. В каталоге они отметили только факт: поздняя отметка, автор неизвестен. Шон впервые ощутил странное разочарование от правильного ответа. Ему хотелось, чтобы каждая деталь открывала дверь, но большая часть честной работы состояла в том, чтобы закрывать двери, за которыми ничего не было.

Перед уходом Лора попросила сделать для неё копию всех страниц, а не только тех, где упоминалась радиосвязь. Она хотела показать их матери, не отдавая семейную вещь чужим людям. Мосс согласился и спросил, можно ли включить копию в исследовательский архив. Лора попросила неделю на размышление. Никто не торопил её. Когда она вышла, Шон заметил, что разговор занял почти два часа и не дал им ни одной новой версии происходящего. Но он также заметил, что Лора впервые за встречу перестала сжимать ручку сумки. Иногда результатом расследования было не открытие, а человек, который уходил без ощущения, что его заставили предать собственную память.

Лора вернулась через неделю с разрешением на ограниченное использование дневника. Она подписала форму, где отдельно указала, что исследователи могут цитировать тех-

нические записи, но не личные страницы о семье. Шон удивился такому разделению: ему казалось, что всё в документе связано. Лора объяснила, что её дед писал не для будущих следователей. На некоторых страницах он описывал болезнь жены, ссоры с братом и собственный страх остаться без работы. Эти строки помогали понять человека, но не давали права превращать его частную жизнь в публичный материал. Мосс добавил к каталогу точную границу доступа и настоял, чтобы она сохранилась даже в цифровых копиях.

При повторном чтении они заметили, что записи о «пустом промежутке» появлялись не регулярно, а после ночных смен, когда дед работал возле старого ретранслятора. В те же дни он отмечал головную боль, недосып и сильный ветер. Это не доказывало, что переживание было вызвано усталостью, но создавало условия, которые следовало учитывать. Шон предложил сопоставить даты с погодными сводками и расписанием смен. Лора согласилась при условии, что личные записи останутся закрытыми. Они сделали отдельную таблицу только по техническим страницам. Работа оказалась кропотливой: часть дат была написана по старому календарному обозначению, а несколько листов были вырваны.

На одной странице дед подробно описал неисправность генератора и отметил, что слышал «три удара в паузе». Шон сначала счёл это совпадением с более поздними рассказами, но Мосс попросил не сравнивать формулировки до завершения расшифровки. Они нашли руководство к оборудованию

и выяснили, что при определённой нагрузке генератор действительно мог давать три коротких механических щелчка. Проверка не объяснила все случаи, но один фрагмент получил обычную техническую версию. Лора прочла заключение и сказала, что дед был бы рад: он всегда предпочитал починить прибор, а не спорить о нём. Шон добавил заключение к архиву, не вычёркивая прежнюю запись. Она оставалась точным описанием того, что дед слышал.

Глава третья. Дом, в котором дышали стены

Вечер начинается с ужина, который никто не хотел готовить, — так делаются самые важные разговоры в этом городе.

Мелани ставит на стол картошку — пресную, недосолённую, варёную в спешке, потому что она перепутала соль с сахаром и не призналась. Пол ест, не замечая. Джесс пробует, морщится, но молчит, потому что в семье Хэйлов не принято оскорблять еду. Шон ест, глядя в тарелку.

Пол первым поднимает глаза. Пол смотрит на Шона — долго, внимательно, как смотрят на человека, которого собираются спросить о важном.

«Сегодня, — говорит Пол, — я разговаривал с Роем».

Шон замирает с вилкой на полпути.

«Он мне не жаловался, — говорит Пол. — Но он сказал мне одну вещь, которую я не забуду, пока живу. Он сказал: "Пол, твой сын уже не спит". И я сказал: "Рой, я знаю". И он сказал: "Значит, пора"».

Мелани кладёт ложку. Мелани смотрит на Пола — и Пол смотрит в стол.

«О чём вы?» — спрашивает Джесс.

«Тише», — говорит Мелани.

«Я хочу знать, о чём вы». Джесс смотрит на всех по очереди. «Это из-за дедушки?»

«Это не из-за дедушки», — говорит Пол.

«Это всегда из-за дедушки, — говорит Джесс. — Вы не знаете, о чём говорить, когда не говорите о дедушке».

Шон поднимает голову. Он говорит — впервые за вечер: «Мама. Что случилось с дедушкой?»

Мелани смотрит на Пола. Пол смотрит на Мелани. И Пол говорит: «Твой дед исчез. Не умер, не ушёл, не сбежал. Исчез. Так, как не исчезают люди. Из запертой вышки, в которой не было ни окон, ни дверей, ни дыр, ни лазов. Он оставил ботинки».

«Ботинки?»

«Стоящие посреди пола. Носок к носку, как при входе в дом».

Шон смотрит на отца. Он хочет спросить: «А журнал?» — но не спрашивает, потому что не хочет, чтобы отец узнал, что дневник у него.

«Однажды, — говорит Пол, — ты узнаешь всё. Я обещаю. Но не сегодня. Сегодня я хочу сказать другое».

Пол отодвигает стул, встаёт, подходит к окну — к тому самому окну, за которым когда-то видел свет, — и говорит: «В этом доме тридцать один год стоит тишина. Я держал эту тишину, потому что не знал, как иначе. Я не разговаривал о твоём деде, потому что не знал, о чём говорить. Я не отвечал на твои взгляды, потому что не знал, что отвечать. Но сего-

дня Рой сказал "пора", и я понял, что пора».

Пол поворачивается. Он смотрит на Шона. Он говорит: «Я твой отец. Но твой дед — часть меня, и он не говорил со мной тридцать один год. И я хочу, чтобы ты знал: я слышу то же, что слышишь ты».

Шон поднимает глаза.

«Ты слышишь?»

«В 3:14, — говорит Пол. — Тон. Не ухом. Грудью. Я слышу его всю жизнь. Я не говорил тебе, потому что не хотел, чтобы ты думал, что с тобой что-то не так. Ты не сломанный, Шон. Ты просто — его кровь».

«Его кровь?»

«Не в том смысле, в котором ты думаешь, — говорит Пол. — По частоте. Не по крови».

И это первое, что Шон слышит от отца о деде, что не имеет никакого отношения к ботинкам.

В 23:40 Шон ложится спать. Он не выключает лампу. Он лежит и смотрит в потолок — в ту самую точку, где на потолке, если долго смотреть, начинает казаться, что свет идёт изнутри.

В 3:14 он просыпается.

Он не боится. Он просто просыпается — как каждый раз. Он лежит и слушает.

Тон есть.

Тон стоит в доме — низкий, тяжёлый, настоящая стена. Шон чувствует его грудью, спиной, ладонями. Он никогда не

чувствовал его так ясно.

И тогда — впервые за всю жизнь — он слышит голос.

Не через стену. Не через рацию. Он звучит в самой комнате, как будто кто-то стоит за спиной и говорит вплотную к уху. Голос тёплый, низкий, спокойный, без угрозы. Он говорит:

«Шон».

Шон не отвечает. Он лежит не дыша.

Голос повторяет: «Шон».

Шон не отвечает.

Голос говорит — уже не его именем, но всё тем же тёплым тембром: «Я не хочу, чтобы тебе было страшно. Я просто хочу, чтобы ты знал: я здесь».

И Шон — впервые в жизни — чувствует запах. Озон. Тот самый запах, который стоит перед грозой, когда молния ещё не ударила, но воздух уже заряжен. Запах стоит в комнате как признак того, что молния — где-то близко.

Шон не двигается. Он не отвечает. Он помнит слова деда: «Оно ждёт, когда ты заговоришь первым».

И тон — отступает.

Медленно, как отлив, как вода отходит от берега. Сначала — в комнате. Потом — за окном. Потом — совсем. И в 3:18 Шон снова один в тишине, но уже не той, какой она была раньше: теперь он знает, что тишина в этом доме — не отсутствие, а присутствие, которое научилось молчать.

В 6:00 Шон встаёт. Он спускается вниз. Мать уже готовит

кофе.

Мелани говорит: «Ты бледный».

Шон говорит: «Мне что-то снилось».

И это первая ложь Шона Хэйла, которую он не жалеет.

На стене гостиной, над каминной полкой, Шон находит тёплое пятно. Пятно в форме ладони — раскрытой, взрослой, размером больше его руки. Пятно — тёплое, тёплое, как будто сюда приложили руку человека, который только что был жив. Пятно не сотрёшь и не смоешь: оно не краска, оно — память стены.

Шон кладёт на пятно свою ладонь. Ладонь не совпадает — она меньше. И Шон понимает, что это ладонь деда: Дейл Хэйл оставил на стене этого дома не след, не отпечаток — он оставил температуру.

Внизу, на самом краю полки, Шон находит записку, написанную расширенным почерком — тем самым, которым сделана последняя запись в дневнике:

«Не давай ему определить себя раньше, чем ты определишься сам».

Это письмо деда. Единственное письмо деда, которое Шон находит за всю свою жизнь.

Дед знал. Дед знал, что внук придёт. Дед знал, что внук услышит то же, что слышал он. И дед оставил не ботинки, не журнал, не письмо — он оставил температуру ладони на стене и одну строку, которая спасёт жизнь его внуку.

В доме всё ещё сохранялись мелочи, которые семья пере-

стала замечать: часы, отстававшие ровно на минуту, пятно у камина и скрип ступени перед кухней. Теперь каждая из них казалась частью общего рассказа. Шон начал записывать их не потому, что верил в знаки, а потому, что больше не доверял собственной памяти без проверки.

Шон сидит на полу гостиной, спиной к камину, и держит в руках записку деда — и он не плачет. Он никогда не плачет. Он просто сидит и слушает тишину, которая уже не тишина, а присутствие, научившееся ждать.

Пол Хэйл обнаружил, что в кухонном ящике лежит второй ключ от кабинета Дейла. Он не помнил, чтобы когда-нибудь видел его, хотя ящик был его собственным и он перебирал его десятки раз. На кольце висела алюминиевая бирка с цифрой семь. Ключ был тёплым, как будто его только что держали в руке.

Мелани предложила не трогать ничего до утра. Пол хотел возразить, но заметил, что она смотрит не на ключ, а на дверной проём. За ним коридор казался длиннее обычного. Свет из кухни доходил до лестницы, однако последняя ступень оставалась в темноте даже тогда, когда Пол включил верхнюю лампу.

Они проверили окна, заднюю дверь и замки. Всё было закрыто. В доме не было чужих следов, но на столе в кабинете лежала пыльная полоса, словно там долго стоял предмет, который только что убрали. Пол провёл пальцем по дереву и обнаружил под пылью четыре слова, выцарапанные тонким

остриём: «НЕ ПУТАЙ ГОЛОСА». Он позвал Мелани. Когда она вошла, надпись уже исчезла, оставив на пальце Пола серую пыль.

Мелани нашла в кладовой коробку с вещами, которые давно собиралась разобрать. В ней лежали школьные рисунки Шона, старые счета, сломанный будильник и конверт с фотографиями, сделанными до переезда. Она поставила коробку на кухонный стол и сначала занялась самым простым: рассортировала бумаги по годам, выбросила дубликаты, отложила документы, которые следовало сохранить.

В одном конверте оказался снимок Дейла возле радиовышки. На обороте его рукой было написано: «Проверить землю после дождя». Мелани помнила этот день не по фотографии, а по тому, как он вернулся домой — промокший, молчаливый, с грязью под ногтями. Он сказал тогда, что помогал знакомому искать потерянный инструмент. Она поверила, потому что хотела верить, и потому что в их доме всегда находилось что-то более срочное, чем неудобный вопрос.

Она положила снимок рядом с семейными фотографиями. На других Дейл улыбался, щурился от солнца, держал бумажный стакан с кофе. На этом он смотрел в сторону, будто фотограф позвал его в тот момент, когда он пытался услышать что-то за кадром. Мелани увеличила изображение на телефоне, но ничего не обнаружила: только мокрая трава, ограждение и тёмный силуэт лестницы.

Шон вошёл на кухню и заметил фотографию. Он не спро-

сил, откуда она взялась. Вместо этого рассказал о своей таблице наблюдений и впервые признался, что боится не самого звука, а того, что мама и Мосс знают о нём и всё равно не говорят правду. Мелани хотела ответить, что защищает его, но слова показались ей слишком удобными. Защита, которая требует лжи, со временем становится ещё одной формой опасности.

Она рассказала ему о снимке и о том, что Дейл иногда возвращался с вышки с мокрой одеждой, хотя утверждал, что был в гараже. Это было немного. Это не давало ответа. Но Шон записал дату на обороте своей тетради и поблагодарил её. Мелани поняла, что доверие редко возвращается одним большим признанием. Чаще оно начинается с одной детали, которую больше не прячут.

Мелани решила позвонить человеку, который много лет назад обслуживал бытовую электрику в их доме. Номер нашёлся в старой записной книжке Дейла. Мужчина ответил не сразу, а когда узнал, кто звонит, попросил говорить коротко. Мелани сказала, что пытается восстановить последовательность событий вокруг нескольких отключений света и спросила, сохранились ли у него записи о ремонтах.

Он вспомнил дом, но не детали. Потом сказал, что однажды приезжал поздно вечером из-за срабатывавшего автомата. Внутри всё выглядело исправным, а счётчик показывал скачки нагрузки, которые не удавалось воспроизвести. Он заменил неисправную деталь, проверил линию и уехал.

Через неделю Дейл позвонил ему снова, но уже не жаловался на электричество. Он спрашивал, можно ли определить источник короткого импульса, если тот не оставляет следа в журнале прибора.

Мелани спросила, что ответил электрик. «Что без повторяемого измерения это только разговор», — сказал он. Он не помнил, чем закончился звонок, и не хотел выдавать догадки за память. Но согласился поискать старые квитанции и перезвонить. Этот отказ от уверенности неожиданно успокоил Мелани. Вокруг неё слишком много людей либо знали всё, либо ничего не помнили; осторожное «не уверен» звучало честно.

Когда она рассказала Шону, он захотел немедленно ехать к дому электрика. Мелани остановила его и предложила сначала получить документы, если они сохранились. Они вместе составили список вопросов, не включив в него ни одного предположения о голосах. Шон был недоволен, но понял, что взрослые не всегда тормозят дело из страха. Иногда они пытаются не испортить единственную нитку, которая ещё ведёт к фактам.

Вечером электрик прислал фотографию старой квитанции. В ней значились дата, адрес и замена автомата. На обороте была его короткая запись о повторном вызове, но не было причины. Мелани распечатала снимок и вложила в папку рядом с фотографией Дейла. Два документа не объясняли друг друга. Они лишь позволяли задать следующий вопрос.

Электрик перезвонил через два дня и привёз папку с копиями квитанций. Он извинился за то, что не сохранил подробные отчёты, но объяснил, что тогда небольшие вызовы записывали коротко, а часть бумаги выбросили при переезде мастерской. На одном листе стояла пометка «повторный шум в линии», сделанная его рукой. Он не помнил, что именно означал шум, и отказался придумывать объяснение спустя столько лет.

Мелани спросила, мог ли такой шум быть связан с неисправностью внутри дома. Электрик ответил, что мог, но по квитанции определить это нельзя. Он предложил осмотреть старую проводку, если часть её сохранилась, однако дом уже несколько раз ремонтировали. Они договорились не проводить проверку без согласия нынешних жильцов. Этот простой вопрос о разрешении напомнил Мелани, что расследование не даёт им права распоряжаться чужим пространством.

Шон отсканировал квитанции и создал отдельную папку «неполные свидетельства». Он больше не считал, что такие материалы бесполезны. Они указывали, куда можно обратиться, но не позволяли делать выводы без дополнительной проверки. Мелани заметила, что сын научился оставлять вопрос открытым. Она не сказала ему об этом; он бы смутился. Вместо этого она поставила на стол чай и села рядом, пока он подписывал файлы.

Мелани пересмотрела старые семейные счета и замети-

ла, что в месяцы перед исчезновением Дейл несколько раз снимал небольшие суммы наличными. Раньше она не придавала этому значения: он часто покупал детали для мастерской. Она не стала делать вывод, что деньги предназначались для поездок к вышке, и записала лишь даты и суммы. Затем спросила у банка, сохранились ли подробности операций, но срок хранения давно истёк. Отсутствие ответа не превратило догадку в факт; оно только обозначило ещё одну границу их знания.

В доме Мелани нашли старую коробку с кассетами, которые Дейл записывал во время поездок. Большинство содержало музыку, дорожные объявления и разговоры с друзьями. Она не стала прослушивать всё подряд. Сначала подписала кассеты по надписям на корпусах, сфотографировала их и составила список. Две кассеты не имели маркировки, одна была подписана только датой.

Джесс приехала с переносным оборудованием и объяснила, как безопасно оцифровать ленту. Они проверили состояние магнитного слоя, выбрали минимальный уровень обработки и сохранили необработанные файлы. На первой безымянной кассете слышался разговор о покупке деталей и долгие паузы между словами. На второй — шум дороги, сигнал поворота и низкий гул, который мог исходить от двигателя. Дата на третьей совпадала с периодом, когда Дейл ездил к мосту, но на записи не было названия места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.